

Тюрьма и вера

Есть ли в тюрьмах и колониях церковная жизнь?
А если есть - зачем она там?

Фото Алексея Колосова

Страшное сообщение об убийстве настоятеля монастыря в Ярославской области потрясло страну как раз в то время, когда первый номер «Вологодского ЛАДА» за 2016 год готовился к печати.

Впрочем, потрясло ли? Ведь это уже не первое убийство православных священников. Реакцию, пожалуй, можно выразить двумя мнениями. Первое - «Куда мы катимся! Не понимают люди, что делают... Надо охранять батюшек от злодеев и сумасшедших, а то и служить в храмах некому будет!»

Второе: «Сидели бы эти попы в своих монастырях и не дергались, целее были бы...»

Но священникам не надо «целее» - им надо совсем другое: чтобы как можно больше людей поняли спасительную правду и красоту Христовой веры.

Помните, у Тютчева:

«Единство, -

возвестил оракул наших дней, -

Быть может спаяно

железом лишь и кровью...»

Но мы попробуем спаять его любовью, -

А там увидим, что прочней...

Только пока даже мечтать об этом сложно. Большинство наших соотечественников реагируют на любую тревожную информацию разве что тем, что переключают телевизор с новостей на очередной сериал, а равнодушные к чужой беде - плохая основа для любви.

При чём здесь тюрьма? Напомню: практически самое главное (во всяком случае, самое распространённое) обвинение в адрес Православной Церкви - это обвинение в неискренности. И уж к верующим людям, попавшим в места лишения свободы, это обвинение прилагают сразу ко всем: веры-де у заключенных нет и не было, они только вымогают, выпрашивают снисхождения и послабления, требуют подачек... Такое мнение высказывают многие - от сотрудников службы исполнения наказаний до журналистов. Неужели на самом деле так?

Вологодскую область посетила Наталия Пономарева, она широко известна как православный миссионер, психолог, методист, организатор различных тренингов. Тюремным служением Наталия Владимировна занимается немало лет и убеждена в том, что это - самая суть миссионерской деятельности. Да, в работе с осуждёнными немало сложностей, есть и противодействие, и обман, и манипуляция - но души человеческие именно здесь открываются Христу с такой искренностью и горячностью, как мало где.

Редакция «Вологодского ЛАДА» предлагает читателям серию материалов о том, как живут православные люди, оказавшиеся за решёткой. Об этом рассказывают священники и психолог, сотрудники службы исполнения наказания и преподаватели основ православной веры, бывшие и нынешние насельники колоний.

Это дело окаянное...

Нынешней весной в Володе побывала руководитель центра духовной поддержки православных общин в заключении во имя прп. Ефрема Сирина. Она посетила женскую исправительную колонию № 1, встречалась со священниками и православной общественностью епархии в духовно-просветительском центре «Северная Фиваида» и с курсантами и преподавателями Вологодского института права и экономики (ВИПЭ).

В КОЛОНИЯХ - НОВАЯ ЭПОХА: ХРАМОВАЯ

Есть такая женская черта: наводить везде порядок. Куда ни попала - тут же бросится вытирать пыль, расставлять мебель, выбрасывать лишнее и приносить необходимое... Наталия Пономарева как раз из тех женщин, что стараются привести в состояние, близкое к совершенству, всё, чем занимаются. Порядка у нас, что говорить, маловато, - вот и занимается психолог и православный миссионер Наталия Владимировна Пономарева тюремным служением и методическими разработками, консультирует по семейным вопросам, организует помощь семьям осужденных... Она преподаёт, проводит

семинары и тренинги и читает лекции по всей России и даже за рубежом.

Тюремным служением Наталия Пономарева занимается 16 лет. Уже шестнадцать или ещё - неважно; важно, что она и сейчас говорит о своём служении с радостью, с увлечением, словно только-только начинающий миссионер. Что же там такого привлекательного, в этой тюрьме? Есть ведь мнение, что это и не миссия по сути дела - скорее, выставочное такое занятие. «Лучше один храм в университете, чем десять - в тюрьмах», - это мне как-то один московский социолог сказал. Кстати, в тюрьмы священников стали пускать в самом начале перестройки, а вот в школы и вузы для них до сих пор не всегда двери открыты. Не потому ли, что толку, по

Наталья Владимировна Пономарева - руководитель центра духовной поддержки православных общин в заключении во имя прп. Ефрема Сирина. Автор программ духовно-психологической коррекции, разработанных для психологических лабораторий ФСИН. Ведушая семинаров по вопросам командообразования и создания социальных проектов. Проводит семинары-тренинги по командному взаимодействию, созданию проектов, лидерству и личной эффективности. Соавтор методического пособия для руководителей проектов и добровольцев «Миссия возможна» (<http://predanie.ru/lib/book/107663/>)

большому счету, от тюремной миссии не так уж много?...

Наталья Пономарева с таким подходом не согласна категорически: фигня это, говорит.

- Любой миссионер должен начать с тюрьмы, - уверена Наталья Владимировна. - Тюрьма научает смирению. Тюрьма научает тому, о чем говорил апостол Павел: мы сеем, а жать будут другие люди. Возрастёт ли что здесь - не твоё дело. Надо сеять, сеять и сеять...

В подтверждение этих слов вспомним, что храм (в крайнем случае - молельная комната) есть сейчас в колонии любого режима, в любом следственном изоляторе. И администрация туда никого не загоняет.

По мнению Натальи Пономаревой, храмы изменили жизнь в колониях по сравнению с советскими временами. Почти у каждого осужденного, особенно если он за решетку попал в первый раз, душа меняется. Человек очень страдает,

он ищет помощи, и крик его сердца доходит до Господа. Это еще не молитва, это плач сердца - но такой сильный, такой искренний, что Бог на него отвечает. Это еще нельзя назвать покаянием - ведь человек ничего еще не знает ни о церковной жизни, ни об исповеди; но он видит храм посреди зоны, и он понимает: то, что происходит у него в душе, как-то связано с церковью. Эти чувства (Наталья Владимировна называет такое состояние «предпокаянием») человек несёт в храм - и очень бывает удивлен, что, ничего не понимая ни в вере, ни в церковной службе, ощущает здесь душевное облегчение. Многие хотят побольше узнать о вере, и тут очень полезно дистанционное обучение. Есть разные программы, но все они могут помочь человеку познать основы православия. Если, конечно, он сам этого хочет, и находятся люди, готовые помочь ему разобраться.

ОДНИ - ПРАВОСЛАВНЫЕ, ДРУГИЕ - НЕ ОЧЕНЬ

У тюремного служения есть одна особенность. Человек воцерковился в колонии, выходит на свободу - и...

С легкой грустью рассказывала Наталья Владимировна историю о тридцатилетнем парне, который сразу после освобождения пришел как-то в центр прп. Ефрема Сирина. Не то чтобы прямо с улицы - по рекомендации батюшки. Просил помочь: домой ехать незачем, там все пьют, а ему хочется совсем другого. Сотрудники центра и их знакомые предложили парню делать ремонты на квартирах и дачах. Проверили - золотые у человека оказались руки, всё умеет, не ленится. В общем, расписание работ составили на весь год. Посчитали, что за это время он сможет заработать и на зубы себе (плохие зубы - фирменный знак побывавших в колонии), и на одежду, и даже квартиру смог бы снимать какое-то время. Конечно, подготовили ему и духовную программу: предложили учиться, участвовать в программах миссионерских... Так сказать,

годовой путь к счастью. Только через две недели усердного ремонта произошла неожиданная заминка: у мастера появился товарищ, вместе они усердно и довольно долго праздновали освобождение. Потом парень парень попал на какой-то рынок, где немного работал, но в основном - вел такую радостную жизнь. Хозяин квартиры, которую этот парень так и не отремонтировал, несколько раз с ним связывался, уговаривал: мы же православные люди, я хочу помочь, давай мы тебя устроим в реабилитационный центр, всё наладится... Ответ был такой: «Вы-то православные, а я, похоже, не очень. И я остаюсь на рынке, тут мне предлагают работать, жить можно в павильоне...» Годом к сорока этот человек погиб в пьяной драке.

Что же, всё бессмысленно? Как миссионер ни бьётся - подопечный к вечеру напьётся. Ну, если не сегодня, так завтра, через неделю, месяц...

Не будем торопиться с пессимистичными выводами.

- Духовную поддержку освободившимся наш центр оказывает, - говорит Наталия Пономарева. - Но - только тем, кто приходит с предложением поработать с нами. Дел у нас хватит на всех, и такие ребята действительно нам очень помогли.

Получается, помощь оказывается действенной, если не становится самоцелью, а встраивается в общее дело, важное и полезное.

Психолог Пономарева подчеркивает:

- Заниматься как с полностью здоровым с этим парнем было нельзя - как и со многими его «коллегами», впрочем.

Люди выходят на свободу с тяжелейшими психологическими травмами, каждому надо лечить душу. Конечно, нужна специализированная помощь психолога. Нужна и структура жёстких реабилитационных центров, где подопечных никуда не выпускают, где с ними работают и священник, и психолог, где они регулярно исповедуются, причащаются. Людям помогают набраться сил, укрепить в себе волю к нормальной - то есть христианской - жизни.

А пока реабилитационной структуры нет и не видно в ближайшей перспективе - может, и заниматься этим не стоит? Зачем душу травить себе и заключенным... Получается, тюремное служение - это что-то вроде клуба по интересам. Вот хочу в тюрьму, и всё тут!

ПРАВОСЛАВИЕ «ЭКЗОТИК»

Тем более, что тюрьма действительно богата миссионерской экзотикой, так сказать. Только представьте: длинный коридор знаменитой Бутырки (это тюрьма московская, если кто не знает), двери, двери, охрана, решетки, снова двери... А возле них на коленях стоят вполне приличные люди и что-то говорят в дверное отверстие, через которое еду передают, так оно и называется - «кормушка». И женщина в шляпке, и молодые диаконы, и батюшка настоятель - все на коленях, и все что-то горячо говорят, жестикулируют...

Почти у каждого осуждённого душа меняется

- Мы устраиваем миссионерские проходы в следственном изоляторе «Бутырская тюрьма», - рассказывает Наталия Владимировна. - На Пасху и Рождество после Литургии в тюремном храме идём разговаривать с теми, кого содержат в камерах. Рассказываем о празднике, передаем подарки. Нередко завязывается горячий разговор, даже и спорят иной раз. Это - совершенно особое служение, особая атмосфера. Выглядит очень мило, особенно когда вопросов много, беседа затягивается, а ты уже устаешь стоять согнувшись. Миссионер, который стоит на коленях перед «кормушкой» и что-то туда убежденно вещает, - это такое зрелище...

Трудности, впрочем, не только в стоянии у дверей камер. Как-то Наталия Пономарева пригласила с собой студентов миссионерского факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Камер много, миссионеров мало - пусть бы ребята помогли. Отозвались с радостью. Молодые, горячие, грамотные - орлы да и только! После службы все вместе направились к месту, так сказать, служения. И уже на выходе из изолятора спохватились: было семь человек, осталось шесть - где миссионер-то? В тюрьме не очень-то потеряешься, быстро выяснили: парень упал в обморок, едва прошел пост охраны. Решетки, лязганье затворов, запах специфический... Дали

студенту нашатыря понюхать, привели в чувство. Хотели к остальным миссионерам проводить, а он: «Спасибо, я больше никуда не пойду».

Конечно, испытания на всех по-разному действуют: одного в ужас приводят, а другой только укрепляется, побеждая искушения. Но самое-то главное - ради чего все это? Наверное, потешить гордость успешным преодолением сложных препятствий можно не только в тюрьме. Паркур вот сейчас моден - бегай, прыгай, переворачивайся... Можно на квест записаться, там такие предлагают испытания - тюрьма детским садом покажется. Есть еще пейнтбол - стрельба шариками с краской, да мало ли...

Миссия - чтобы веру распространять, разве нет?

- Вот, вот, - улыбается Наталия Владимировна, - всё время тюремному миссионеру, как говорится, что-то предъявляют - типа ты вообще миссионерствуешь, а где плоды? Ты их учил - а они выходят и опять воруют, опять садятся... И всё время с тебя спрашивают плоды. Но кто соберёт плоды - это вообще неизвестно! Моё дело сеять...

И такое отношение к миссионерскому служению, считает Н. В. Пономарева, - самое правильное. Где бы оно ни велось - в тюрьме, институте, воскресной школе...

Храм во имя преподобного Серафима Саровского в ИК-17 Вологодской области - одна из примет новой эпохи исправительной системы

«ПРИМИРЕНИЕ» С СЕМЬЕЙ - И С СОБОЙ

Работать можно по-накатанному. Веди себе дистанционное обучение - вон их сколько, колоний и осужденных... Ну, в качестве вишенки на торте - миссионерские бутырские проходы. Передавать «сидельцам» через «кормушку» не кашу с баландой, а вечные истины - это же круто...

Наталья Владимировна - не тот человек, чтобы одним и тем же заниматься. Вот уже три года подряд программа «Примирение», которую реализует центр имени преподобного Ефрема Сирина, выигрывает гранты конкурса «Православная инициатива». И сейчас Наталья Пономарева хочет подключить к программе как можно больше народа - не потому, что своя, а потому что дело-то важное, хорошее!

Смысл «Примирения» - в помощи семьям осужденных, где есть маленькие дети. Как им приходится непросто, думаю, особо объяснять не надо. Папа в тюрьме - это, конечно, тяжелая психологическая травма для сына или дочери. А если за решеткой мама?

Сложно таким семьям и материально: формально они - полные, значит, льгот не получают. Что приходится детям из трехтысячного месячного заработка сидящего папы - об этом голова ни у кого не болит. Кроме родителей, конечно.

- Мы проводим эту программу, - говорит Наталья Владимировна, - и для помощи родителям тоже. Мы хотим поддержать тех, кто в тюрьме задумывается о детях, о жене...

Человек, который становится верующим в местах заключения, неизбежно начинает пересматривать свою жизнь. Он понимает, что родные пострадали из-за него, понимает, что и сейчас его жена и дети страдают, соперечивает семье, хочет своим близким помочь, но не знает как.

«Примирение» даёт такую возможность. С детьми, родители которых осуждены к лишению свободы, сотрудники центра ходят в театр или кино, музей

или зоопарк, концерт или на храмовый праздник. «Вот, - говорят они мальчику или девочке, - твой папа сейчас не может приехать, но он просил нас тебя проводить - пойдём с нами!» Конечно, это делается с согласия родителей - и тех, кто в заключении, обязательно. От имени папы или мамы детям вручают подарки на праздники - как могут, стараются восстановить надорванные, а то и полуразрушенные семейные связи.

- Семьи осужденных собираются в нашем храме Покрова Пресвятой Богородицы в Красном Селе, - рассказывает Н. В. Пономарева. - Разговариваем друг с другом за чаем, обсуждаем проблемы.

Дети в это время играют в другой комнате с нашими волонтерами. «Хорошо прийти поплакать здесь», - говорят эти мамы, они в основном молоденькие девочки. Для них, загруженных заботами и проблемами, ценна любая помощь, любая поддержка. Получают женщины и помощь психолога, если требуется.

Идея объединения людей, связанных общей бедой, витает в воздухе, и «Примирение» - не единственная возможность это сделать. В Интернете есть сайт жён осужденных; сотрудники центра прп. Ефрема Сирина обратились на этот ресурс, взяли адреса семей, особенно нуждающихся в помощи, и разослали по стране 15 посылок с вещами для семей осужденных.

Н. В. Пономарева объехала восемь регионов, рассказывая о «Примирении» и приглашая подключиться к программе. Желающие заняться помощью семьям осужденных есть, программа вызвала интерес и в Вологде. Уже в нынешнем году можно подавать заявку на получение гранта от «Православной инициативы», центр прп. Ефрема Сирина готов стать рекомендателем.

Мне кажется, программа эта - пример не столько хорошей работы, сколько подхода к миссии. Поиск помогает по-новому посмотреть на традицию, понять её глубже. Ведь вся миссионерская работа (и в тюрьме в том числе) - она же не про новые подходы, а про любовь. К Богу и к людям.

Если мы станем про любовь говорить по-новому, она не перестанет быть той самой, о которой рассказывает Евангелие.

- Структурально мирянское служение в тюрьме еще не выстроено, - считает Наталия Владимировна.

Похоже, что у любительницы порядка Н. В. Пономаревой легкой жизни не предвидится. Да она ей и не нужна:

- У тех, кто занимается тюремным служением, всегда много энергии, они такие радостные. Это дело окающее, поэтому люди требуются веселые. В трудных местах Бог рядом с нами, я сама это много раз чувствовала.

Конечно, это чувствовала не только Наталия Пономарева. Многие тюремные миссионеры - тоже.

Впрочем, ощутить неожиданную поддержку легкой, но надежной руки Ангела-хранителя доводилось, конечно же, многим. В том числе и тем, кто и не думал никогда о миссионерских проходах или о преподавании основ Православия и знать не знает о проблемах тюремного служения. Тюрьма обостряет чувства и отношения, потому и благо вмешательство в твою жизнь со стороны небесных сил бесплотных более явно, что ли. Ярче проявляется - так точнее сказать.

Самое сложное - петь в унисон. И жить тоже!

Пока храм в первой женской колонии строился, активно ходили слухи: у батюшки-то - погоня! Лампасы из-под рясы, это еще так называется.

- Был такой момент недоверия, и не просто лично ко мне, а вообще к этой затее, - вспоминает протоиерей Александр Лебедев, настоятель храма во имя иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость».

Возможно, «лампасная» небылица возникла из-за активной поддержки идеи строительства храма тогдашним начальником колонии - полковником Виталием Жилиным. Начали строить в 2001 году, через год храм уже стоял, через два - был освящён.

Думаю, что, несмотря на активность полковника Жилина, храм не был бы построен так быстро, если бы не заботы отца настоятеля.

Отец Александр участвовал во всех этапах строительства, на каждом совершал молебен на начало доброго дела. Чтобы, например, освятить сруб, пришлось ехать в Вожегу - тамошний предприниматель выделил лес. Собирали сруб в Вожеге, в огромном ангаре. Наверное, в этих стенах никогда молитвы не звучали...

Строили и стены, и общину - одновременно.

Постепенно таяли слухи о погонах-лампадах батюшки. Постепенно народ привыкал к своей церкви, прирастал к ней. Храм, казалось, всегда стоял тут на плацу.

- Смотрите сами, - говорит отец настоятель. - Численность колонии уменьшилась раза в три, если не больше, а в храм меньше ходить не стали.

Каждый новый этап осужденных, прибывающий в колонию, проводят мимо храма, он же возле жилого корпуса стоит, - и через день-два появляются новые прихожанки... Откуда пополнение? Народ везде сажают... Весной из Коми этап пришел. Чаще всего кадры для первой колонии поставляют Северо-Запад: Карелия, Мурманск, Архангельск, Санкт-Петербург... Есть москвички, а вот староста общины - из Брянска. Вологжанки тоже, конечно, есть.

Спрашиваю у старосты Кати: народ, который приходит в храм, имел какое-то

представление о церковной жизни?

- Как правило - никакого.

- Хотя у нас есть выпускники воскресных школ, - с улыбочкой уточняет отец Александр. - Грамотные люди...

Всё как везде: к Богу тянутся, только когда что-то дрогнуло в душе, когда она болит. Куда идти? - во врачевницу, конечно. В храм.

Молодых, кстати, в колонии больше, чем пожилых. Но выпускники воскресных школ здесь скорее редкость, чем правило.

Скорбященский храм известен своим хором. Певчим даже платяя пошили на колонийской швейной фабрике. Но главное, конечно, не концертное одеяние - главное, что поют здесь только осуждённые.. Это - редкость для храмов в местах лишения свободы, на Северо-Западе таких хоров больше нет.

Отец Александр вспоминает, как собрался первый «хоровой призыв»: музыкальное образование было только у одной певчей, но опыта церковного пения - ни у кого. Раздобыли какие-то ноты, пытались разучивать песнопения на фортепиано... С каким трудом втягивались, осваивали незнакомые распевы, как долго боялись приступить к пению на Литургии - и какой радостью стало богослужение, на котором колонийские певчие спели всё - от начала до конца! С тех пор так всегда и поют. В нынешнем году храмовый праздник, 6 ноября, будет уже четырнадцатым для хора.

Начинался хор, как многое в колонии делается, - с приказа начальника.

- Тогдашний начальник колонии полковник Жилин распорядился выделить от каждого отряда по две певчих, - вспоминает протоиерей Александр Лебедев, - Ну, и выделили... Человек пять из всей этой команды составили ядро нового хора. Помню девочку, у которой особых данных не наблюдалось, но она очень хотела петь. Очень! Девушка начала наркоманить лет в 14-15, на этом уровне её развитие и застряло, и со всей этой детскостью великовозрастной она старалась в хоре закрепиться. И таки добилась

Литография чудотворной иконы из Вологды «Всех Скорбящих Радость»

Во времена княжения Ивана III малолетние дети его брата Андрея Угличского, 12-летний Иоанн и 13-летний Димитрий, были заточены в темницу: великий князь боялся, что они вступят в борьбу за наследство. С 1493 года они были в Вологде. Иоанн пробыл в безвиновном заточении около 30 лет и перед смертью принял постриг. По его молитвам еще при жизни совершались чудесные исцеления. Он был похоронен в ногах у преподобного Димитрия Прилуцкого. Ещё в XVI веке благоверный князь Иоанн Угличский, в иночестве Игнатий, был причислен к лику святых. Димитрий Угличский провел в заточении около полувека, он погребен в ногах у своего святого брата. Его почитают в лике местночтимых святых. После их блаженной кончины чудотворная икона Божией Матери «Всех Скорбящих Радость», перед которой молились братья, находилась в храмах Вологды, а в начале XIX века была принесена в тюремный замок, там была устроена домовая церковь, освященная в честь чудотворной Скорбященской иконы. Церковь в ИК-1 в Вологде освящена в честь этого же образа. Она построена неподалеку от здания, которое занимал прежде тюремный замок. В революционные времена икона ушла в неизвестном направлении. Возможно, она хранится в Рождество-Богородицком соборе, который долго был кафедральным храмом.

Протоиерей Александр Лебедев ежемесячно совершает Литургию в Скорбященском храме

своего, худо-бедно партию сопрано держала - к своему величайшему счастью. Глаза у неё светились, когда стало что-то получаться!

В становлении хора очень помогла Мария Алексеевна Лебедева - нет, это не однофамилица батюшки, а его жена. Матушка, как в Церкви называют жен священников и диаконов. Кто же и поможет в трудном деле, как не самый близкий человек? Хор - цветок прихотливый, требует постоянной и внимательной заботы и надежной поддержки.

- Мне вообще везет на помощников, - говорит отец

Хором из осужденных руководит регент Нина Ефимовская (вторая слева)

настоятель. - Два года матушка моя регентовала, а потом появилась ей на смену Елена Язикова, она десять лет руководила колонийским хором.

Кстати, ушли из хора регенты по уважительной причине: обе готовились стать мамами. Мария Алексеевна уже четверых родила, а у Елены Викторовны пока первая растёт - Василиса. Всё еще впереди...

А насчет везения... Помощники ведь не вокруг любого-каждого собираются. Хорошее - к хорошему притягивается, это правило даже в колонии незыблемо.

С ноября прошлого года регентует в Скорбященском храме Нина Ефимовская.

- Девочки поют с желанием, - говорит Нина Сергеевна, - и это самое главное.

Желание помогает раскрыться таланту, даже у тех, кто, как Катя, считал, что нет у неё ни слуха, ни голоса. Оказывается, всё есть!

- Здесь очень сложный репертуар, - отмечает регент, - произведения непростые, но девочки справляются. Поём на один голос, на два, три... Самое сложное - пение в унисон.

Что касается любимых произведений - выбрать сложно. Всё нравится, что поют. Вот нравится, и всё тут.

- Очень важно понимать, о чём поешь, - говорит одна из певчих, Лена. - Знаете,

когда понимаешь текст, чувствуешь его, как-то и пение получается светлее...

Коснулись и время от времени возникающего в церковной среде вопроса о непонятности церковно-славянского языка. Как здешние прихожанки его воспринимают?

Староста с ответом не задерживается:

- Я об этом думала, спрашивала девочек. Вот когда они начинают приходить в храм - ничего не понимают. Стоят, слушают; все крестятся - и они тоже... Проходит какое-то время - месяц, полгода, год, у каждого по-разному. И они воспринимают текст на славянском, как на родном языке. Я то же самое испытала, и теперь мне непонятно, как это можно не понимать. Здесь не в языке проблема-то, а в нас самих.

Допускаю, что кто-то из новоначальных прихожан, особенно серьёзных, сидит в библиотеке, учебники и словари изучают.... Наверное, всё же к книгам обращаются не все - а славянский язык понимает каждый, кто даст себе немного труда подумать над тем, что слышит и читает на службах. Сейчас модно на генную память ссылаться... Да и действительно - сотни лет наши предки молились на этом прекрасном, звучном и многозначном языке. Должно же что-нибудь отзываться в каждой душе...

Катехизис за колючей проволокой

Далеко не все прихожанки храма в тюрьмах и колониях много знают о православии. Чаще всего они открывают для себя веру именно в заключении - говоря официальным языком, в местах лишения свободы. Утратив возможность вести прежнюю жизнь, человек может обрести что-то гораздо более важное. Вера - как раз и есть то, что помогает человеку, оказавшемуся в обстоятельствах несвободы, найти истинный смысл жизни.

УЧЕБНЫЕ ПОЛОВИЧКИ И НЕКРУПНЫЕ ЦИФРЫ

В женской колонии № 1 уже несколько лет проводятся занятия по курсу «Основы православной веры», организовал их сектор дистанционного образования Воло-

годской духовной семинарии. Преподаёт основы веры Алина Южакова; ученицы называют преподавателя Александрой Александровной - по данному в Крещении имени и обязательно по отчеству: фамильярность недопустима. Алина окончила Вологодский государственный

педагогический университет, а потом - катехизаторское отделение местного духовного училища (с 2014 года ВПДУ реорганизовано в духовную семинарию).

Двухгодичный курс «Основы православной веры» разработан на основе методики, подготовленной теологическим факультетом Рязанского университета имени С. Есенина. За это время учащиеся изучают десять тем: устройство храма и церковные таинства, история Церкви и православное богослужение... По тому же курсу, кстати, ведут дистанционное обучение и в других колониях области. Основное учебное пособие - «Закон Божий» протоиерея Максима Козлова, но используются и другие книги. Очень нравится ученицам «Таинство веры» митрополита Илариона (Алфеева), там, как им кажется, материал изложен понятнее.

- Занимаемся здесь же, в храме, - рассказывает преподаватель «Основ...» Алина Южакова. - Прямо на половичках девушки рассаживаются, и учимся. Вопросы? Да, много задают, и это радует: значит, им интересно...

Люди, конечно, все разные. Есть девушка, которая слушает каждый раз с распахнутыми глазами, задает вопросы - интересные, глубокие. Есть женщина, которой всё очень нравится, но вот сама она о вере сказать не может ничего - не хватает слов, да и опыта нет рассуждать о главном в жизни. Это посложнее, чем про наряды говорить.

Кстати, о нарядах. Есть среди учениц Алины Южаковой девушка, которая слегка сомневается. Верить-то она верит, но кое-что её настораживает. Услышала от прихожанок, что раз в храм ходишь, надо поскромнее быть, и задумалась: «Что же, если я в Бога верю - значит, должна в мешок переодеться? Разве грешно - носить красивую одежду? И квартира комфортная - тоже хорошо, разве нет?» Надо, чтобы она поняла: вера в Бога никого не обязывает отказываться от всего удобного и красивого, главное - правильно распределить ценности по их значению в жизни.

Эти вопросы многих волнуют. Как-то,

рассказывает Алина, уже к концу занятия зашли две женщины и сели на порог. Послушали немного - и давай задавать вопросы, какие обычно задают нецерковные люди: в основном как раз про то, что православные в мешках должны ходить и в землянках жить. Что-то одна из них о вере слышала, это её задело, и она тут же пришла - выяснить для себя, где тут правда о Церкви. Или захотела развлечься, подколоть этих ненормальных... Разговор был короткий, занятие кончалось, но на следующий урок спорщица пришла. Алина вспоминает:

- Я внутренне подготовилась - думаю, с ней работа нужна серьезная. А потом она куда-то исчезла, и уже несколько занятий я её не вижу. Может, график производственный не позволяет - почти все работают, и загруженность у них большая. Надеюсь, всё-таки выберется к нам.

Интересно, отличаются ли вопросы, что Алине на занятиях задают, от тех, которые она слышит от посетителей вологодского Александро-Невского храма, где работает?

- Отличаются, - отвечает Алина. - В храме чаще интересуются, куда свечку поставить да сколько надо заплатить, чтобы ребенка окрестили. Это именно посетители, а не прихожане. Есть еще такое слово - захожане, вот как раз подходит. Мы же на занятиях говорим, как исполнять заповеди и зачем, что такое совесть и надо ли слушать, что она говорит. Обсуждаем, как жить православному христианину и что даёт Церковь человеку...

- Получается, что это не столько учебные занятия, сколько уроки жизни?

- Ну да, - соглашается преподаватель «Основ православной веры». - Нам в училище правильно объясняли: за два года вы получите основы, поймёте, где искать более глубокие знания, если потребуется. Теперь я то же самое своим ученицам передаю: мы с вами только начинаем обучение вере православной, причем эти знания должны подкрепляться жизнью.

Спрашиваю на всякий случай, есть ли экзамены. А сам думаю - да зачем они,

колония - не студенческое общежитие, до зачётов ли тут - конспект составили, и то хорошо.

- А как же! - немного даже обижается Алина Александровна. - У нас всё как полагается. Учащиеся пишут контрольные по каждой теме, собеседования проводим, они стараются, переживают...

Думают об уроках православия не только на занятиях. «Вы нас простите, - признались как-то преподавателю ученицы, - мы в курилке о вере говорим. Стараемся поменьше курить, особенно в посту, но бросить не получается. Зато время с пользой духовной проводим...»

Каждый год заявлений о приёме бывает 18-20, а заниматься приходят пять - семь человек: только те, кому это по-настоящему надо. До выпуска добираться не все, но тут не лень или неспособность виной, а еще одна особенность «школы за колючей проволокой» - освобождение. Тут уж учительница радуется не меньше учениц. В нынешнем году как раз такой радостный «отсев» произошел, так что выпускниц всего три. Количество вряд ли впечатлит любителей крупных цифр, но за рекордами посещаемости здесь и не гонятся. Важнее, что перерывов в учебном процессе нет: набирают

**Так что же, вера -
болеутоляющий пластырь,
чтобы душа не саднила?
Религия - это все-таки
не способ регулирования
нравственности; наоборот,
нравственность - способ
приготовить душу
человеческую к принятию
религиозных глубин.**

каждый год, и выпускают - тоже. Кстати, завершить духовное образование можно и по переписке. Так порой бывает, когда выпускницу освобождают условно-досрочно и отправляют в колонию-поселение.

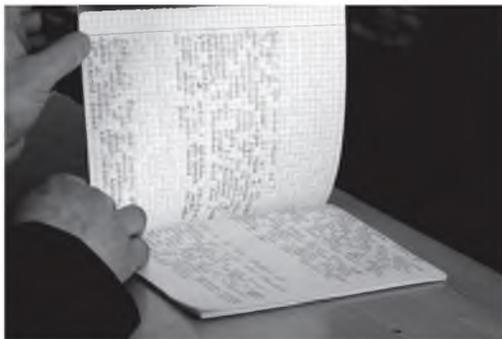
Но учебные половички не пустуют.

СЕМЕНА ПОСЕЯНЫ, А ВЗРАЩИВАЕТ БОГ

- Войны, как вы думаете, - промыслительно или нет? Это Божественное предопределение или человеческий произвол? - спрашивает своих взрослых уче-

Елена Владиславовна Бутылкина руководит сектором дистанционного обучения Вологодской духовной семинарии

К занятиям по основам веры все тщательно готовятся, выписывают в тетрадь ответы на вопросы по теме

ников молодая симпатичная учительница Елена Владиславовна.

Класс, где проходят занятия по «Основам православной веры» - это, вообще-то, библиотека исправительной колонии № 4.

С ответом не особенно торопятся, здесь народ солидный, рассудительный. Им важно разобраться в сути, а спешка... Это ведь для ловли блох и диверсантов, как говорится. Серьезные люди не суетятся.

Тема урока - «Сущность добра и зла». Слов ни из кого не вытягивают клещами, но и рта никому не затыкают. Обстановка примерно такая, как на уроке в воскресной школе для взрослых, и о том, что эта школа - для взрослых особенных, говорят белые бирки на черных куртках: на них фотография, фамилия, имя, отчество, номер статьи Уголовного кодекса, по которой осужден, длительность срока, номер отряда и другие важные в колонии сведения. Только вот номер колонии не указан, да это и так понятно: чужие сюда попадают по особому разрешению.

- Войны - это, конечно, промыслительно, ведь всё от Бога, - рассудительно отвечает ученик с первого стола. - Если мы очищаемся через страдания... Народ нарушил установления Бога, вот и война.

Слушают все внимательно, даже кто-то уже готовится дополнить, поправить. Зевающих и спящих, даже на задних рядах, я не заметил - размышляют все вместе. У каждого - тетрадка: задания Елена Владиславовна дает заранее, гото-

вятся самостоятельно, а потом обсуждают тему в классе.

Библиотека превращается в учебный класс раз в месяц, когда приезжает Елена Владиславовна Бутылкина. Она руководит катехизаторским отделением Вологодской духовной семинарии и сектором дистанционного обучения при семинарии. Курс «Основы православной веры» рассчитан на два года, занимаются ученики по «Закону Божьему» протоиерея Максима Козлова, методика разработана кафедрой теологии Рязанского государственного университета имени Сергея Есенина.

- Можно, на своем примере расскажу? - рвется к разговору молодой человек, - высокий, с уверенным красивым лицом. - Допустим, в моей жизни произошла ситуация, которую можно объективно назвать злом. По прохождении небольшого времени я сижу и разбираюсь в этой ситуации - и понимаю, что Бог сделал всё так, как надо для моего спасения... А если что-то хорошее со мной происходит - я даже не думаю о промысле Божиим! Из-за этого и попускает Господь войны и прочее, что мы из-за своих грехов и думаем-то о Боге только когда нам плохо, а не когда хорошо.

Уже после занятий спрашиваю преподавателя, есть ли среди её учеников желающие продолжить духовное обучение на свободе.

- Мой выпускник из 17-й колонии закончил духовное училище, - говорит Елена Бутылкина, - сейчас в Великоустюжской и Тотемской епархии помогает священнику, занимается с ребятами в воскресной школе. Один выпускник учится в Вологодской семинарии, есть ребята, которые свою церковную жизнь продолжают не на Вологодчине - в Иваново-Вознесенской епархии, в Москве... Конечно, это не повальное большинство; больше скажу, есть такие люди, которые занимались с нами усердно, а вышли за ворота - и ориентиры резко поменялись. Бывает, и обратно возвращаются ...

- Снова на занятия?

- Бывает и так.

- Вы ведь уже много лет занимаетесь тюремным служением...

- Дистанционное обучение у нас в епархии появилось десять лет назад. В 2009 году оно по разным причинам прекратилось, а недавно возобновилось.

- Скажите, есть ли разница между учениками, которые десять лет назад были, и нынешними? Все-таки разные поколения...

- В колонии это не очень заметно, у нас ведь люди учатся разного возраста. Нет, никакой разницы я не заметила: и тогда, и сейчас человек, пришедший к вере в колонии, очень серьезно старается её изучить. Ребята много вопросов задают, причем в основном - серьезных, богословскими понятиями интересуются... Меня знакомые спрашивают, не страшно ли заниматься с такими людьми - нет, отвечаю, нисколько. Вечером по улице города страшнее порой идти.

Ну, а потом ведь на занятия ходят не самые отъявленные негодяи. Они в жизни повидали много негатива, прошли через тяжкие испытания. Да, они оступились в жизни, - так надо помочь им исправиться. Думаю, что к нам приходят люди, которые искренне хотят изменить жизнь к лучшему. Они, кстати, говорят: мы понимаем, как здесь оказались. И как надо дальше жить, чтобы не возвращаться, - тоже понимаем... Отмечу еще, что на наши уроки никто никого не загоняет, ребята сами попросили администрацию организовать обучение.

- И все-таки гарантии нет, что все ваши подопечные, выйдя на свободу, станут вести церковную жизнь?

- Какие гарантии? Мы сеем, а возвращает Бог.

Храм во имя Владимирской иконы Божией Матери стоит посреди колонии. Здесь всегда люди, хотя священника сегодня не ждут. Есть дежурный, а вот Павел зашел помолиться у икон. В колонии он второй раз; на зоне и крещение принял, когда отбывал первый срок. Вышел, время от времени бывал в вологодских

Храм во имя Владимирской иконы Божией Матери построен в ИК-4 в 2006 году - десять лет назад. Здесь регулярно бывает священник, не реже раза в месяц совершается Божественная литургия. Кроме того, осужденные вместе читают здесь утреннее и вечернее молитвенное правило, акафисты. Четыре раза в день здесь совершаются богослужения, которые Церковь позволяет проводить мирянам

храмах, а потом вот - снова суд, колония... Вера для него - главная опора в жизни:

- Когда что-то чувствуешь на душе, плохо становится, - выхожу на улицу и читаю 150 раз молитву «Богородице, Дево, радуйся». И на душе нет такого трепета...

А как с точки зрения закона - нужен в колонии храм? В «четверке» есть и библиотека, и художественные мастерские, и хоккейная коробка, на которой три команды разыгрывают первенство колонии. Хватит, может, для успокоения душ осужденных?

- Храм нужен обязательно, - считает Виктор Александрович Сорокин, заместитель начальника ИК-4 по воспитательной работе. - Осужденные учатся в средней школе, получают профессиональное об-

Во всех 13 исправительных учреждениях Вологодской области открыты храмы и молитвенные комнаты. В них ежегодно совершается свыше 600 богослужений, исповедуется и причащается более тысячи осужденных. В каждом исправительном учреждении есть библиотека православной литературы

разование, также они могут посещать занятия по «Основам православной веры». Влияние храма на осужденных - только положительное.

Так что же, вера - болеутоляющий пластырь, чтобы душа не саднила? Религия - это все-таки не способ регулирования нравственности; наоборот, нравственность - способ приготовить душу человеческую к принятию религиозных глубин.

- Мне кажется, храм в исправительном учреждении помогает осужденным обрести мир в своей душе, - считает протоиерей Александр Лебедев, помощник руководителя отдела тюремного служения Вологодской епархии. - Если просыпается в человеке то, что называется покаянием, - он приходит в храм, где находит и прощение, и укрепление. Кстати, это же самое происходит и на воле - люди везде одинаковы.

Из колонии просто так, толкнув дверь, не выйдешь. Закончив дела, мы стоим в коридоре - ждем очереди подойти к окошечку, чтобы сдать пропуска и получить сданные мобильники; с телефонами в зону нельзя.... Жизнь колонийская между тем течет перед нами своим чередом. Один за другим поднимаются мимо нас здешние насельники по лестнице на второй этаж - к фотографу. Только снимаются не на

карточку для жены или мамы; нужно обновить снимок для бирки, которая у каждого на груди. Вот такая фотосессия для режимной службы...

Сверху спускается осужденный с папкой в руках, ему навстречу - сотрудник колонии. «Да вот, освобождаюсь сегодня», - ответил осужденный на вопрос офицера, но не слышно было в его голосе какой-то особой радости. Видно, что он пока еще весь здесь, целиком поглощен заботами не о доме - о завершении жизни в колонии: надо подписать «бегунок», сдать казенное имущество: постель, книги в библиотеку, казенные вещи... Обычные вроде заботы увольняющегося человека. Только место необычное - исправительная колония особого режима.

- Ну-ну, смотри, обратно не попадай! - напутствует офицер.

- Да уж, конечно....

- Семья-то есть?

- А как же, всё в порядке.

Жизнь идет своим чередом. И уроки Православия - тоже жизнь. Без всякого особого ажиотажа. Учиться основам веры - дело самое естественное, самое жизненное. Где бы эти уроки ни проводились - в школе, колонии, институте.... На них ученики стараются заново осмыслить жизнь - свою прежде всего.

Кто во что и как верит

Священник Михаил Шкарин, много лет окормляющий колонию № 4, рассказывал, что не раз встречался с прямым противоборством. Приходит освятить общежитие осуждённых - такие взгляды встречает, что лучше не подходить близко. Да если бы только взгляды... Матерятся - я тебе сказал, иди отсюда, что ты тут делаешь. Я сатане служу - так и говорят...

Такие встречи редко, но происходят. Большинство осужденных доброжелательно относятся к православной вере. Даже порой замечание могут сделать товарищу: Серега, ты чего делаешь - ты же в храм ходишь, тебе нельзя так себя вести... Конечно, порой такая реплика - следствие желания как-то уколоть, поставить на место: не изображай из себя святого, ты такой же, как и я... Но бывает, человек искренне рад видеть, что есть рядом с ним люди, которые стараются стать добрее, чище. Он чувствует, что и для него не всё потеряно, надеется и сам когда-нибудь к Богу обратиться. И когда видит, что сосед, с которого он брал пример, вдруг ведёт себя как-то не так, как положено, - старается поправить.

Есть люди, которые сами в церковь зайти не решаются, но помощи от Бога все-таки ждут. Подходят к прихожанам тюремных храмов: помолитесь, ребята, за меня, у меня горе дома - мама умерла... Кто-то потом сумеет переступить порог храма, кто-то нет - но уважение к вере и верующим присутствует в любой колонии, и это - общее настроение большинства. Потому что живем мы, несмотря на чуть ли не 70-летнее государственное безбожие, - всё-таки по законам, установленным Богом: не убий, не укради, не блуди, не обманывай... Даже если и не считаем себя верующими.

Отчего же тогда некоторые люди выбирают для себя служение темным силам?

Не надо забывать, что само по себе преступное сообщество построено на законах, противоположных христианским. Христос говорил о том, что, жертвуя собой ради другого, человек выполняет свой долг. Правило воровской жизни - умри ты сегодня, а я завтра. Профессиональный вор не должен иметь ни семьи, ни детей. Никто его

не осудит, если он ограбит и оставит в беде слабого, больного, если обманет ребенка ради наживы... Моральные обязательства воров признают только перед своими, да и то - на словах: сегодняшний близкий друг завтра может стать лишним, ненужным, и его выбросят, как ветощь. Свой, особенный воровской язык - это тоже отличие от человеческого сообщества. Он служит не только для того, чтобы посторонние не поняли тайных разговоров, но и чтобы те, кто этот язык используют, чувствовали свою отдалённость от всех, своё особенное положение. Разве это - не свидетельство того, что преступным миром правит не Бог, а другая сила?

Что же, тот, кто даже случайно попал в криминальный мир, уже обречен быть слугой сатаны и нет ему спасения? Если бы мы жили только по законам логики, если бы отношения между людьми и Богом строились только на том, кто, что и сколько сделал, - наверное, так и было бы.

Но наш Бог - это любовь. Любовь ко всем, потому что все мы - дети Творца, и Он каждого может вернуть к жизни человеческой, если человек этого хочет.

Возможно, человек, заглянувший в бездну греха, увидевший тьму, плотным сумраком окутывающую жизнь без света Божией Любви, острее многих благополучных людей понимает гибельность этой тьмы. Дойдя до дна, можно сильнее оттолкнуться. Помните - «если бы ты был холоден или горяч»... Люди ведь попадают в тюрьму по разным причинам. Есть убежденные, если можно так сказать, преступники, сознательно выбравшие борьбу с Богом и с этого пути не сходящие. Тут, как говорят духовно опытные люди, можно только отойти в сторону и помолиться, чтобы твою душу эта ржа не затронула.

Но большинство прихожан храмов наших колоний - люди, искренне желающие отойти от греховной жизни. Они поняли, что жизнь дана для того, чтобы воспринять Свет Христовой веры, и всеми силами стремятся к нему, этому свету.

Не надо только думать, что, дойдя до края и повернувшись таки к Богу, человек гарантировал себе спасение. Да, можно очень сильно оттолкнуться от греха по направлению к Христу. Но ведь никуда не деваются и греховные привычки, и развратное окружение... Страсть уходит из души только при условии постоянной, неустанной борьбы с ней - и только с Божией помощью. Стоит человеку подумать, что он сам бросил курить и материться, сам и других побед добьется - он подвергает себя страшной опасности.

Конечно, люди, добровольно отдавшие себя в руки зла, и те, кто решается от этого зла отойти, были в тюрьме всегда. Только соотношение из было разным. Во времена «Записок мёртвого дома», когда в тюрьме были и церкви, и постоянные священники, христианское отношение к жизни все-таки сомнению у большинства не подвергалось. А в советские времена, когда никаких храмов не то что в лагере, - и в селе-то не во всяком можно было найти? Но и это не делало заключенных поголовными сатанистами.

Мой старший знакомый, замечательный, хоть и малоизвестный поэт Ричард Красновский, провел в ГуЛАГе больше десяти лет - в три приема. Он рассказывал о причудливом устройстве лагерей

того времени. Заключенные делились на множество разрядов - на их языке, мастей. Были среди них такие таинственные, как «мужики, ломом подпоясанные». Или «один на льдине». Самым страшным он считал время, когда лагерные власти натравливали представителей мастей друг на друга, поддерживая - гласно и негласно - самых отпетых уголовников. Зачем? Причина вполне прагматична: считали, что так легче управлять огромными людскими массами, да и разгрузить переполненные лагеря не мешало. И даже в то время, вспоминал Ричард Александрович, когда людей ни за что убивали ежедневно, - не было сатанинской озлобленности у большинства заключенных. Да, были убийцы, способные зарезать человека за кусок хлеба, - но были и люди, которые могли свою пайку отдать голодному, поддержать слабого. Священников в их зоне, кстати, не было, то есть некому было подсказывать, как себя вести. Принципы христианской жизни сохранялись даже в нечеловеческих условиях - потому что это принципы жизни любого человеческого сообщества, на воле или в тюрьме - всё равно. Даже если они и не называются христианскими.

У многих насельников колоний в прежней жизни - в детстве, юности - были какие-то случаи, о которых они сейчас вспоминают: «Вот, когда еще Господь меня позвал...»

Позвал когда-то, а почему терпел столько лет, столько отсидок? Богу нужно, чтобы человек сам к Нему пришел. Только тогда это будет прочно.

Есть такой обычай...

Поразительное признание я услышал в одной вологодской колонии: «Обычно я, когда выходила на волю, шла в церковь».

К кому, освободившись, люди идут в храм - тоже интересно: «Я даже не знала, где висит икона Иисуса, потому что мне казалось, что я такая... очень низкая, недостойная, и не ко всем иконам могу подходить. Спрашивала у служителей, где икона Николая, и краем-краем проходила, даже

не смотря вперед, к его образу, потому что считала, что этот святой поддерживает, оберегает воров. И вставала вот в том правом углу...» Постояв у иконы Святителя Николая Чудотворца, «богомолка» уходила из храма - до очередного освобождения.

А может, напрасна ирония? Эта жен-

щина ведь искренне хотела получить помощь от святого, даже старалась для этого выполнить какие-то условия, которые, ей казалось, помогут донести просьбу «куда надо».

В другой колонии молодой человек, рассказывая, как он пришел к вере, с большой теплотой говорил про бабушку:

- У меня бабушка очень верующая была. Она даже когда материлась, ну иногда высказывало плохое слово, - перед иконой встанет: «Господи, прости меня, грешную!»

Вроде бы - вполне языческое отношение к вере: я перед иконой постою, но уж и ты, святой Николай, меня не забудь, помоги. Как можно считать это христианством? И старушку, кланяющуюся перед киотом после каждого худого слова, признать благочестивой?..

Не торопитесь осуждать. Православие - такая странная вера, где благочестие определяется не количеством прочитанных молитв и сделанных перед образами поклонов, а сердечным расположением, которое ты смог достичь этими молитвами и поклонами. Мы живем в мире, где о нормальном - то есть христианском - поведении десятилетиями не вспоминали. Да и теперь многие искренне полагают, что

моральный кодекс строителя коммунизма - едва ли не один к одному к Нагорной проповеди Христа...

Жизнь среди безбожников может еще и не к таким искривлениям привести. Но ведь важно, куда идет человек, где остановится. У каждого сохраняется возможность развиваться. И та женщина, что с закрытыми глазами проходила мимо иконы Спасителя - не дай Бог оскорбить святыню вольным взглядом! - теперь без стеснения, но с прежним благоговением читает молитвы в храме перед иконостасом.

Вспомним историю иконы Божией Матери «Нечаянная Радость»: там ведь человек неотступно каждый день молился перед образом Пресвятой Богородицы. Однажды, намереваясь идти, пишет святитель Димитрий Ростовский, «к скверному беззаконию», он встал привычно на молитву - и был вразумлен Пречистой. Поняв кощунственность своего поведения, грешник раскаялся и по просьбе Богоматери был прощен Спасителем. Так, пишет святитель Димитрий о раскаявшемся грешнике, «получил он нечаянную радость».

Нас всех ждет нечаянная радость Божией милости, если найдем в себе силы исправить грехи, сохраняя горячую любовь к Спасителю.

Свободным я стал еще за решёткой

Рассказ священника

Отец Н священником стал после того, как провел несколько лет в исправительной колонии. Не торопитесь возмущаться - нашли кого, дескать, рукополагать, несудимые в церковь не идут... Канонов, запрещающих возводить в священный сан человека, отбывшего наказание, в Православной Церкви нет. Конечно, тяжесть преступления имеет значение, но определяется судьба человека не номером статьи УК, а степенью раскаяния. Вспомним, ведь Христос просит человека дать ему свое сердце, а не справку об освобождении, где указан приговор.

Имени священника я не указываю - в конце концов, не это важно. Мой собеседник многое пережил, многое испытал и хотел бы, чтобы рассказ о его пути в храм помог читателям понять: Бог человека не оставляет нигде, главное - чтобы человек о Боге не забывал...

КТО ЖЕ ВСЁ ЭТО СОЗДАЛ?

Крестился я в колонии. Думать-то о Боге начал раньше, в девяностые ещё года. Хотя у меня всё было хорошо, с мирской-то точки зрения, я ни в чём не нуждался. Но всё равно что-то в голове сидело, мешало спо-

Почти в каждом храме в колонии есть образ благоразумного разбойника

койно жить. Начал задумываться о смысле жизни, и пошло, и пошло. В заключении я уже бывал, причем всякий раз меня сажали вроде бы не за свою вину. И вот это меня, как говорится, добивало - почему так? Не то, что я совсем ни в чём не был виноват, но - мои дела остались недоказанными, а осудили за то, в чём моя вина была меньше, чем у других подельников, - и всё равно, получается, садили. Вот я размышлял, вдумывался - и начал понимать понемногу: сколько бы человек наказания ни избегал, как бы ни выкручивался - всё равно получается так, что через какое-то время будешь отвечать за всё, что совершил..

Дальше больше - зашел в тупик: ведь не само же по себе всё это происходит. Кто-то, выходит всем управляет? Кто всё это создал-то - и Землю, и звёзды, и людей? С чего всё началось?

Тогда как раз сектантов много было, в девяностые-то года. Собирали людей, зазывали на свои выступления. Я раз схо-

дил к евангелистам - мне не понравилось. Концерт идет, музыка гремит, какие-то конвертики раздают, тюбики с зубной пастой - и тут же о Боге чего-то говорят... На сцену таких девчонок выставляют - Господи, помилуй! В общем, не подошли они мне. Думаю, - чего-то врут.

Но Новый Завет-то я взял. Начал читать потихонечку. А сомнения не проходят. А может, не Бог главный? Может, дьявол прав? Где правда? В такой тупик меня завели эти размышления - я же один, не с кем обсудить эти темы. Моих тогдашних друзей совсем другое интересовало

И вот как-то гулял я, посмотрел на небо и думаю: «Господи! Если Ты есть, приведи меня к Себе. Я не знаю, куда идти, кто прав, кто виноват, кто врёт - не разобраться мне самому. Если Ты создал это, Ты мне и помоги!»

В тот момент я ничего не почувствовал. Но потом, уже когда начал приходить к вере, понял: именно после того момента

начались вокруг меня перемены. Господь привел меня к Себе - через колонию. Там я очнулся от духовного оупения. Словно проснулся к новой жизни, настоящей.

В колонии встретил людей, которые в храм уже ходили. Поговорили, они спрашивают: «Так ты некрещённый еще? Надо креститься!» И я пошел к батюшке.

НЕТОРОПЛИВАЯ КАТЕХИЗАЦИЯ

И как Господь всё устроил! Сейчас во всех храмах перед Крещением собеседование проходят, порой люди ворчат - зачем это напридумывали, никогда такого не было... А я вспоминаю, как три месяца креститься не мог, и понимаю: это еще и лучше, так и надо. К нам в колонию батюшка ездил раз в месяц. Чаще не получалось. Я к нему каждый раз подходил с просьбой о Крещении, и всё время то одно мешало, то другое. Подожди, мол, еще... Ну, и рассказывал о вере. Кратко так, о самом главном. Причем говорил - в этом вы сами должны разобраться, обдумать всё. Все, кто хотел креститься, старались узнавать о вере побольше, понимали - для нашей же жизни это надо.

Самое главное, что в колонии у человека время есть. Господь в такую обстановку поставил, что думаешь о своей жизни, больше ни о чем. Человек отгорожен от всего, и понимает: он сам выбирает, как дальше жить, не кто-то за него решает.

Конечно, тяжело было. О вере-то чем больше узнавал, тем тяжелее становилось, боязно было: как справлюсь, ведь надо же каждый день молитвы читать, а я в жизни ни одной книжки не прочёл, никогда не мог ни одного стишка выучить... И дьявол тут шептал в ухо: ты за что берёшься, не по тебе это.. Бог помог, иначе не объяснить, как я за три месяца подготовки к крещению выучил Символ веры, псалом 50-й, Царю Небесный, Отче наш, Богородице Дево... По-русски-то плохо читал, а тут по церковно-славянски начал. Мне говорят - как ты читаешь, там же нерусский язык? Не знаю, говорю, как получается, Бог дал возможность.

НАСМЕШКИ НЕ СТРАШНЫ, ЕСЛИ ВЕРА ЕСТЬ

Раньше на нас, верующих, в колонии смотрели как на дурачков. Идешь в храм, а вокруг - хи-хи, ха-ха... Насмешки, выкрики... Терпеть приходилось, а как же. Первое время и сотрудники колонии донимали, мы их тогда по старой привычке милицией называли: стой, куда, зачем это тебе?... Издевались - такой ты стал правильный, что ли? Господь силу давал терпеть. Они поиздеваются и отпустят, а потом видят, что это все серьёзно, стали с уважением к верующим относиться.

Поначалу там думали, что мы верой прикрываемся. Да, есть и такое, некоторые пытаются выглядеть получше - и в глазах сотрудников колонии, и среди заключенных. Но ведь на этом особого капитала не наживешь, даже и морального, притворяться долго невозможно. Потому такие люди вскоре перестают ходить в церковь - если, конечно, не начинают верить по-настоящему. Верить - и стараться веру воплощать в свою жизнь.

Кстати, когда начинаешь стараться жить по вере, усиливаются препоны, о которых я говорил. И ты понимаешь, что не от человека это. Дьявол, получается, старается загородить человеку дорогу в храм - а Господь силу даёт терпеть.

Вот и я стал замечать - переменялось отношение ко мне. Это Бог помог людям увидеть, что храм для меня стало главным в жизни делом. И сотрудники стали за руку здороваться, уважительно обращаться со мной. И осужденные оставили насмешки.

Бросил я курить, бросил матюгаться. А попробуй это сделать: в колонии две тысячи человек, слово говорят нормальное - потом пять матюгов, слово нормальное - пять матюгов... Живут по сорок человек в одной комнате, все курят. Ты один не куришь и не ругаешься. Это возможно, конечно, только с помощью Божией, только через покаяние.

УМЕТЬ ЧИТАТЬ - НЕ ПРОСТО БУКВЫ СКЛАДЫВАТЬ

Крестился я, и уже началась жизнь совершенно другая.

На работу я не ходил, тогда с этим трудно было в колонии, мало кто работал. Так что ничего, как говорится, не отвлекало. И я прямо ринулся читать - а ведь в жизни книжки в руки не брал...

Первая книга, которая мне очень понравилась, - житие преподобного Серафима Вырицкого. Я молился ему, он мне помогал очень. А потом пошло-пошло - всю библиотеку перечитал, в основном - жития святых: Киево-Печерских, Псково-Печерских, Афонских...

В газетах навичитывал адресов и начал переписку со многими монастырями. Думаю - чем бездельничать, так просто письма строчить куда-то там кому-то, лучше буду просить наставлений духовных. Начал вопросы задавать, обращался в Оптину пустынь, на Валаам. Мне отвечали, что читать лучше, какое брать молитвенное правило, чтоб не ошибиться. Советовали мне как новонаначальному сразу на себя много не брать: читать утренние и вечерние молитвы, а каноны - только когда к Причастию готовитесь. А потом вас Господь поведёт, поддержит.

Да я и сам видел, как у нас некоторые ребята сразу начинали хватать. Рюкзак, как говорится, нагрузят, потом хоп - надорвались, и всё. И уже мало что делают того, что нужно и что вполне могли бы.

На мои вопросы о духовном чтении мне с Валаама ответили очень толково - видно, опытный духовно человек писал. Он объяснил мне, что три вещи нужно читать нераздельно - Новый Завет, Псалтирь и жития святых. Если будешь читать что-то одно или две книги из названных, - ничего не поймешь. Не будет ничего открываться. Я попробовал - и правда, если нет учителя, не понять. А когда чтения Нового Завета подкрепляешь Псалтирью и житиями святых, понимаешь каждую из этих книг.

Причем жития можно брать святителя Димитрия Ростовского, любые другие - не-

Некоторым в колонии впервые в жизни доводится брать в руки кадило ...

важно. Мне попадались книги раскольников - сразу открывается, какого духа автор, если читаешь так, как советовали мне с Валаама.

ЧУДЕСА И ИСКУШЕНИЯ

Много искушений было, и чудес насмотрелся. Господь, как говорится, чудеса-то показывает тем, у кого слабенькая вера, чтобы укрепить.

В нашей колонии храма не было, только молитвенная комната. Правда, приличных размеров: алтарь устроили нормальный, и человек тридцать помещалось на службе - для колонии, думаю, вполне достаточно. Но ведь хотелось, чтобы церковь была настоящая! И вот мы с друзьями гуляли по плацу и мечтали: вот бы, Господи, устроил Ты нам храм тут! Мечтали, но и не надеялись особо. Однако храм-то стоит! Вот - самое большое чудо.

Были и другие. Как-то один человек в колонии написал мне икону в подарок. Я поблагодарил, порадовался, поставил на тумбочку в молитвенной нашей комнате, мы её храмом звали. Церкви-то не было еще. Ушли в отряд, подходит человек -

мол, мне надо в храм. А ключи у меня, я старостой был тогда. Говорю ему - подожди пять минут, я занят пока. «Нет, мне надо вот сейчас!» Ну, думаю, ладно, Бог с тобой, оставил дела, пошли. Дверь открываем - весь храм в дыму. Оказывается, забыли плитку выключить, а икона рядом стояла и на плитку упала. Свежий лак, которым она была покрыта, должен был вспыхнуть, и тогда всё в храме сгорело бы. Как раз перед тем случаем мы ремонт сделали - вот бы полыхнуло, по свежей-то краске да сухому дереву! В иконе, правда, дыра прогорела, но больше-то ничего огонь не повредил. Разве не чудо?

Такие чудеса Господь посылает тем, кто не очень еще укреплен в вере. Главное чудо, мне кажется, - когда человек приходит к Богу. Видишь, как в нем преобразования духовные происходят, как он меняется, - и понимаешь, что это Господь всё делает.

Бог давал мне там, в колонии, больше, чем на воле. Причем понимал я это только потом. Когда мне до конца срока оставалось около года, я вполне мог освободиться условно-досрочно. Колония переполнена, всех, кому меньше года осталось, отправили за ворота. Я тоже, конечно, ждал освобождения, домой-то охота... Но ни с того ни с сего арестовали на пять суток. Ну и всё, нарушителям досрочно на свободу не положено. Обидно было - не сказать как.. Потом понял - на всё воля Божия. Значит, еще рано... Зато - укрепился в вере, слава Богу. Главная-то свобода - внутри, в сердце.

Если бы не попал я в тюрьму, не знаю, пришел бы к Богу или нет... И до сих пор укрепляюсь в вере каждый день заново, каждый день - и так до гроба будет, это точно. Тюрьма - очень большая школа, я не жалею, что там был. Раньше жалел, теперь нет. Бог дал извлекаться, где я хотел, показал мне, к чему грех приводит, - и как можно жить без него.

Тюрьма дает возможность сосредоточиться на себе, на воле-то ты и этого не можешь. Не даётся! А пока не научишься этому - будешь падать, потому что без пристального внимания к своей жизни грешный человек легко отзывается на лю-

бой соблазн. И сам не заметишь, как уже нагрешил...

Не может человек сразу сесть за руль автомашины и поехать, надо учиться. Так и в духовной жизни - надо работать, воспитывать себя. И понимать, что сам ты ничего не сделаешь, меняет человека только Господь.

НАДО УЧИТЕЛЯ - ГОСПОДЬ ПОСЫЛАЕТ

Поначалу твёрдых прихожан у нас в колонии было мало; можно сказать, я один посещал храм постоянно, а народ в основном приходил только когда батюшка приезжал, и всё. Почему, спрашиваю? Да как-то неудобно... В храме-то, говорю, кого стесняетесь? Как раз надо и собираться для молитвы - в доме молитвы, чтобы никого не смущать, не подавать никому повода для греха, чтобы там смеялись, издевались - зачем это... Стали собираться на молитву в храме утром и вечером, потихоньку народ прибавлялся: начинали вдвоём-втроём, потом человек пять - шесть стали собираться, потом до десяти дошло... Знаете, как мясо на кости нарастает, так и тут.

У каждого какие-то вопросы возникали - каждый ведь размышляет, книги духовные читает. А обсудить не с кем, батюшка приезжал редко. Вот мы между собой обсуждали всё. Договорились - спорить не будем, никаких повышенных тонов; каждый свою точку зрения высказывает. И не просто обменивались впечатлениями - вот мне нравится, и всё. Почему ты так думаешь? Кто еще по этому вопросу высказывался? Старались, чтобы то, что обсуждали, было ясно всем, и чтобы все согласились с общим мнением. Конечно, мы и за советами обращались, и батюшку спрашивали, если что-то очень уж сложное.

Разногласия ведь по любому могут возникнуть по поводу, тут тоже бес не дремлет: вроде бы человек правду отстаивает, правое дело - а так может распалиться, что уж какая правда... Даже по поводу чтения можно разругаться - один ударение ставит правильно, другой его поправляет, да так горячо... Я говорю: что вы ссоритесь? Ну,

БЕСЫ НЕ ДРЕМЛЮТ

неправильно он прочёл, но это же не значит, что Бог его не слышит. Бог смотрит на сердце, а не на ударение. Мы старались, чтобы молитва наша шла от сердца, а не от буквы закона.

У нас было очень интересно, мы не только книжки обсуждали, конечно. Собирались чайку попить, советовались - вот тут лучше так поступить, а тут так... Смотрели друг за другом, подсказывали - ты чего, этого не делай!.. Друг друга поддерживали, и старались мы жить уже не по тем законам, что в колонии, а по законам духовным. Были, конечно, искушения, но всё равно - нам легче жить было, чем остальному народу в колонии. Мудрые люди правильно говорят: если человек ведёт правильную духовную жизнь, если он с Богом - он будет спокоен, пусть даже ядерная война нагрянет и всё разрушится. Вот у нас спокойствие такое было.

Это очень хорошее время для познания себя.

Вера сильная там может быть. Если она пришла, то человек полностью меняется. Помню, ходил к нам на службы один армянин. Смотрел, слушал - а потом перед батюшкой на колени бросился, чтобы срочно покрестили его. Батюшка говорит: «Рано тебе, надо о вере узнать побольше...» Не хотел ждать, десять минут не вставал с коленей - не уйду, говорит, крести и всё! Вот какая вера!

А в наших приходах на собеседованиях часу просидеть не хотят, да еще и условия ставят... Многие люди после Крещения, может быть, и зайдут раз-два в церковь - а больше им этого не надо. Господь сказал - «бремя мое легко есть». Легко! Многие не могут почувствовать эту лёгкость, потому что не начинают делать того, что должен делать церковный человек: молиться, поститься, исповедоваться и причащаться, на службы еженедельно ходить. Они снова погружаются в свою суету, отходят от Бога, который в Крещении открыл им путь к Себе.

В тюрьме есть возможность начать постигать веру делами, есть возможность внимательно смотреть за собой, своими мыслями, поступками.

Не надо думать, что путь к Богу прост, что там одни радости. Радостно, конечно, когда ты реально видишь помощь Божию, когда чувствуешь поддержку друзей, которые вместе с тобой стараются идти к Богу.

Но ведь и бесы не дремлют! Тут нельзя расслабляться, надо жить жёстко - по отношению к себе, а не к другим. Иначе могут быть очень страшные последствия.

Помню, зашел к знакомому в отряд навестить. Был конец Страстной - не помню, Великий четверток или пятток. Друг мой пошел чайник ставить, и тут подходит ко мне его сосед - странно так смотрит на меня, исподлобья, мне даже по себе стало, холод по телу прошел.

- Зачем, - говорит, - тебе это надо? Брось это всё!

Я повторил несколько раз про себя «Господи, спаси и сохрани!» и перекрестил его. И тут он от меня отлетел метра на три. Даже пола не касался. Я ошарашенный стою, входит друг мой с чайником - тоже ничего не понимает.

- Ты что с ним сделал? Ты его перекрестил?!

А тот человек сидит на заднице и с другим мужиком разговаривает. Он даже и не понял, что произошло...

Вот так я убедился в силе Животворящего креста. Хотел увидеть - Господь мне показал, больше не прошу.

Бывали всякие случаи. Ходил в храм парень - неплохой такой, молился, как все мы. А потом вдруг - нет и нет его. Мы к нему: что случилось? Да всё нормально, в воскресенье приду. И действительно, пришел, как обещал, а потом опять - нет и нет... Мы к нему.

- Все нормально у меня, а в храм как-то незачем ходить. Я тут молюсь. И бесы ко мне приходят, что я скажу - все делают... Мне Бог помогает.

Говорим - не надо с ними разговаривать, брось, это искушение, может далеко завести, не выбраться. «Нет, нет, всё нормально...»

Так и перестал посещать храм. Я уже

освободился, стал ездить в колонию, помогал священнику. И всё об этом парне беспокоился, Алексее. Передавал через знакомых несколько раз, чтобы пришел на службу, но бесполезно. Наконец, я уже сам пришел в отряд - говорю, неладно с тобой, надо исповедоваться. А он: «Я боюсь». Всё-таки послушал меня, пришли в храм - там очередь на исповедь. Пока я к батюшке ходил просить, чтобы Алексея без очереди пропустили, он ушёл. Искали - не могли найти.

В храм он через несколько дней пришел, бросил крест - «Не надо мне ни Христа вашего, ни креста». И спустя три дня перерезал себе горло. Спасти не могли...

Это для всех урок: нельзя жить самовольно, надо в духовной жизни вести себя осторожно, слушать советов опытных людей. Без Бога - только гибель!

Господь показал: не надо возвращаться туда, где ты был, это запретная зона. Помните слова Спасителя о том, что диавол возвращается на место, откуда его изгнали, и не один, а берет семерых духов, злейших себя (Мф. 43 - 45). Пришел - хата намыта, пушта и никем не занята.

Если после того, как душа человека была очищена покаянием, он в Таинствах не участвует, Бога к себе не пускает, - бесы и приходят обратно, уже толпой.

БОГ ПОДТАЛКИВАЛ ПОД БОКА

Я крестился, и к той жизни больше не возвращался. И не хочу возвращаться. Всё, к чему прежде стремился, всё, что у меня было, - не приносило удовлетворение душе. Это давало только удовольствие телу. Поэтому я и Крещение так горячо принял, что был разочарован в этом мире, в той жизни, которую я вёл, в законе воровском - душа просила истины, а кругом одна ложь была.

Когда я уже вышел на свободу и начал жить церковно, многие мне потом звонили, писали. Люди хотели получить совет, и все почти просили прощения. Я говорю: «За что?» Мы, говорят, над тобой смеялись и издевались, думали, что у тебя крыша уехала, что ты вообще повернулся с этой церковью... Сейчас, говорят, и нам Господь глаза открыл, что спастись можно только в Церкви...

О священстве, конечно, я и не мечтал, я молился - Господи, только меня прости! Господь как-то подталкивал под бока, можно сказать. Бог Сам вёл. Сначала пономарил несколько лет, потом предложили сан принять. Отцы говорят - священства не добивайся, а предлагают - не отказывайся. Так получилось милостью Божией, службу в храме, и благодарю Господа за то, что дал мне сил понять правду, привел меня к Себе.

Храм - не для пособий и бесед, здесь служат Богу

Эта беседа состоялась в храме в честь иконы Божией Матери «Споручница грешных», который построен в исправительной колонии № 12 - она находится в Шексне. Главная тема разговора - как определить, настоящая вера у тех, кто ходит в тюремные храмы, или сплошное притворство? В беседе приняли участие настоятель храма в ИК-12 протоиерей Александр Краев, настоятель Скорбященского храма в вологодской женской колонии №1 протоиерей Александр Лебедев, заместитель начальника колонии № 12 Евгений Веселов, прихожане храма в ИК-12, сотрудники «Вологодского ЛАДА» Алексей Колосов и Андрей Сальников.

Прот. Александр Лебедев. Можно ли назвать настоящей веру в Бога у человека, который ходит в церковь в местах лишения свободы? Можно заподозрить в

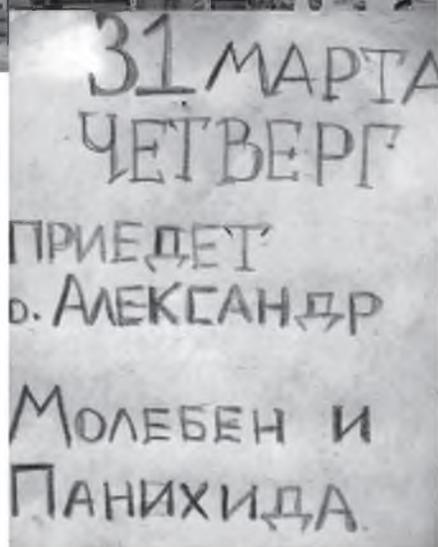
прямой корысти - человек пытается что-то себе добыть через это, гуманитарную помощь, скажем. Есть ведь и другая корысть, когда в Боге видят источник своего рода

Храм в ИК-12 в честь иконы Божией Матери «Споручница грешных» открыт ежедневно. Священник приезжает два раза в месяц, а без него прихожане читают молитвы, акафисты и каноны

духовной гуманитарной помощи: я буду молиться, поститься, а ты меня, Господи, отпусти на волю. Есть у нас прихожанки, которые исправно ходят на богослужения, ведут вполне церковную вроде бы жизнь, а когда выясняется вдруг, что это не обеспечивает возможности выйти на свободу условно-досрочно, предъявляют Богу претензии: «Ну и смысл? Вот что я молилась? Почему я вот раскаялась, молилась-постилась, исповедовалась-причащалась, а Бог меня не отпускает?» Примерно такой ход рассуждений - довольно распространенное явление...

Прот. Александр Краев. С таким подходом к вере встречался много раз - но не здесь, в колонии, а на приходах, где служил: «Батюшка, за что меня Бог наказывает?!» В колонии такого я не встречал ни разу. Здесь если человек воцерковляется, то он делает это не для того, чтобы с Богом заключать какие-то сделки, какие-то договоры. Человек воцерковляется - и... он молится. Он служит Богу так, как его сердце просит.

В наш храм приходят только те, кому Господь нужен. «Их же zde пред собою видишь...», как говорит молитва, в которой священник обращается к Спасителю. Никто здесь не хитрит, не пытается ничего себе заполучить дополнительно, никакой корысти быть не может - действительно, люди приходят к Господу, чего тут хитрить? Поисповедовался, причастился Святых Христовых Таин - и живешь дальше, молишься и читаешь, трудишься.

Храм - это не место для выдачи гуманитарной помощи, для беседы по душам. Храм - это прежде всего богослужение. Так считают и все наши прихожане.

Я здесь с пасхальных дней 2013 года. Мы ежедневно совершаем уставное богослужение. Я стараюсь приезжать раз в две недели, и у нас совершаются таинства Исповеди, Святого Причастия. Человек 50 у нас регулярно исповедуются, причащаются. Не помню, чтобы причащал здесь менее десяти человек, - к Чаше подходят минимум человек 15, а в пост и больше. На Соборование собираются по 40 и более человек. Регулярно посещаем и находящихся на строгих условиях содержания - в изоляторе, совершаем таинства, если люди в них нуждаются, другие богослужения.

Все желающие могут посещать храм, он открыт каждый день. Понятно, что ни одна служба не проходит без проповеди, без беседы, которая подчас довольно длительна. Потом традиционно у нас всегда чаепитие, где люди могут спокойно задать вопросы о вере.

Здесь на самом деле полноценный приход.

Андрей Сальников. В чём это выражается?

Прот. Александр Краев. Это приход, который нуждается в богослужении, здесь это просто потребность христианской души. Наши прихожане посильно участвуют в службе, они постоянно заботятся о храме.

В храмы городские и сельские подчас люди приходят совсем не за молитвой. Им нужно, чтобы не болело, чтобы прыщички не вскакивали, чтобы детки не плакали, чтобы роднички заросли... Здесь таких людей случайных нет. Если человек приходит молиться - то это серьёзно, это осознанно, это разумно. Здесь на службах стоят молодые здоровые парни, серьёзные, с житейским опытом, и они не просто время в храме проводят - они искренне молятся. Ощущение такое, что совершаешь богослужение в каком-то хорошем

мужском монастыре. Чувствуется, что людям нужен Бог! Им нужен Сам Господь, а не то, что Бог даёт.

Андрей Сальников. Крещения совершаются у вас в храме?

Прот. Александр Краев. Не так много, до десятка в год, но совершаются. И венчания тоже - две пары я здесь обвенчал.

Андрей Сальников. Вы поддерживаєте связь с вашими прихожанами, которые уже освободились?

Прот. Александр Краев. Конечно, практически со всеми. Могу сказать, что продолжаю молиться с теми людьми, с которыми здесь молился. К нам они приезжают, иной раз издалека, оказывают помощь, и не только храму в колонии, но и другим приходам, на которых я тружусь. А у меня их четыре...

Алексей Колосов. Есть куда руки приложить!

Прот. Александр Краев. Вот именно. Мы с ними продолжаем дружеское общение. И все люди, на которых держалась приходская жизнь в колонии, они сейчас в жизни устроились весьма основательно - просто душа радуется за них...

Евгений Веселов. Храм построили в 2005 году, открылся в 2011. До того в колонии была молитвенная комната. Все в храме сделано руками осуждённых - и рубили его сами, и иконы писали, делали иконостас, мебель.... Даже появилась возможность поделиться иконами со строящимся храмом в Судской колонии-поселении. Сами прихожане и следят за храмом, поддерживают.

Андрей Сальников. В вашей колонии немало людей, исповедающих ислам. Как у них отношения с православными христианами?

Прот. Александр Краев. Верующий верующего всегда поймет. У нас прекрасные отношения, взаимоуважение.

Прот. Александр Лебедев. Конфликт возможен между верой и неверием, а не между верами.

Прот. Александр Краев. Тому, кто не верит, - просто лень конфликтовать. Он перевернулся на правый бок - и давит

Протоиерей Александр Краев на молебне с прихожанами храма в ИК-12

подушку дальше. Чего тут конфликтовать?

Прот. Александр Лебедев. Следовательно, рецепт против межрелигиозных конфликтов - знать свою веру.

Прот. Александр Краев. Вот именно. Благодаря тому, что здесь есть церковь, мы ходим молиться и укрепляемся в вере - крепнет взаимопонимание между христианами и мусульманами. Мы не говорим о фанатиках и сектантах, конечно, это к вере не имеет отношения. Ислам - религия со своим культом, с опытом богообщения.

Алексей Колосов. У меня вопрос к прихожанам - как к вам относятся те, кто не ходит в храм? Не считают «белыми воронами»?

Игорь. Нет, многие интересуются разными церковными вопросами, спрашивают. Объясняешь, рассказываешь... Понимают.

Артём. Тут еще и наоборот бывает - к верующим тянутся, нас больше становится.

Прот. Александр Краев. Когда люди ведут церковную жизнь, они уходят от потребности сжигать здесь своё время, убивать его, проматывать. Конечно, это делает внутреннюю жизнь человека бессмысленной. И это страшно тяготит.

Когда человек воцерковляется, он в Боге раскрывается. Могу привести целый ряд примеров, когда осуждённый освобожденный от этой страсти поскорее убить время и осваивает ремесло, какие-то промыслы, учится чему-то... Он воцерковился, приобщился к этой Божественной силе, он видит смысл, который даже за пределами этой жизни. И земная его жизнь наполняется смыслом. С Божией помощью воцерковлённый человек открывает в себе такие глубины, о которых никогда бы в жизни не подумал, что он на это способен. И тогда он уже не жжёт своё время, мучительно его перематывая; он его эффективно, разумно использует. Времени ему уже не хватает, человек начинает развиваться.

Я-то хоть знаю, где я...

- Не знаю, что со мной будет, - размышлял вслух Сергей. Мы разговаривали с ним и еще несколькими прихожанами храма в шекснинской колонии № 17.

Расположились в колокольне - она здесь не над храмом возвышается, а стоит отдельно. Деревянная, как и храм. Внизу - комнатка: здесь библиотека, стол и стулья, можно и посидеть чайку попить, и обсудить что-то важное. Места немного, но устроились: одни сидят, другие, кому стульев не хватило, - стоят. Но в разговоре принимают участие все.

- Конечно, хотелось бы от храма не отрываться, когда на волю выйду, очень бы хотелось, - продолжает Сергей. - Но мало ли куда может занести... Я постараюсь, конечно, быть при церкви. Потому что без неё - пропасть в два счёта можно. В два счёта...

Сергей сидит уже около десяти лет. В долгой и пёстрой судьбе этого человека много всякого, и не обо всём ему хочется рассказывать, наверное. Да и не надо - мы ведь говорим не о жизни по схеме героя Крамарова «выпил - украл - в тюрьму, выпил - украл - в тюрьму».

- Получилось так, что я убил человека, - рассказывает Сергей. - И бросился в бега. Ну, а сколько пробегаешь? Сидеть больше неохота. Думаю, повешусь, да и дело с концом. Как русский человек, выпил самогонки и пошел дерево искать поудобнее. Занесло меня к монастырю. Привратник сидит - чего ты, спрашивает, такой унылый? «Да, - говорю, - пойду вздернусь, жить надоело». Он ко мне: «Погоди, ты чего, сейчас наместник придёт». Выходит священник, поговорил со мной так по-доброму, с участием. Ничего не выспрашивал, сказал только: «Я тебя сейчас взять не могу, ты пьяный. Давай - переночуй где-нибудь, а утром в шесть часов приходи, в монастыре поживешь у меня». И ушел.

Я тут на травке поспал, часа в четыре проснулся - женщина какая-то возле меня стоит. В шляпке. И спрашивает: «Вы не

скажете, где я?» Тут, говорю, монастырь, а там улица...» А она перебивает: «Да нет, вы скажите, какой это город?» Я опешил. «Владимир», - говорю. Она меня поблагодарила и ушла не торопясь. А всё думаю: «Ничего себе! Вот какие люди есть... Я-то хоть знаю, где оказался». Одет я был неплохо - костюм на мне хороший такой, футболочка белая. Правда, ботинок только один и лицо побито немного...»

Не в таком ли положении, как эта женщина в шляпке, оказываются люди, не защищенные верой, не знающие, куда занесли их бури моря житейского?..

Сергей пришел в монастырь - батюшка его уже ждал. «Беспокоился, что ты не придешь уже, - сказал он Сергею. - В милицию, может, забрали... Что ты ничего с собой не сделаешь, я чувствовал, но мало ли какие еще неприятности...»

Сергей прожил почти год в монастыре. И с каким теплом он об этом времени вспоминает: «Хорошие там очень люди, я даже не думал, что такие бывают»... А потом пошел в милицию. «Никто не из монахов у меня ничего не выведывал, не гнал сдаваться - просто пригрели душу человеческую, а как себя дальше вести, Господь подсказал», - снова и снова переживает он прожитое.

До воли ему еще несколько лет. Как бы ни сложилась жизнь Сергея - он знает, где его дом.

Конечно, хотелось бы от храма не отрываться, когда на волю выйду, очень бы хотелось. Потому что без церкви пропасть в два счёта можно. В два счёта...

Кусочек воли

Сейчас мы уже забыли, что еще тридцать лет назад вера в Бога в нашей стране была запрещена. А молодые и не знали об этом, узнают - может, меньше станут ворчать о засилье попов и поголовном клерикализме.

- Сотрудника четвертой колонии Бориса Павловича наказали за то, что ребенка крестил, - вспоминает Игорь Валерьевич Сокерин, начальник ИК-4. - Партия узнала об этом - ух его! Перевели на другую должность. Я еще не работал тогда, это в восьмидесятые годы было.

Конечно, человека не посадили в тюрьму, не уволили даже - подумаешь, перевели на другую должность. Кажется, партийное взыскание еще было - велика важность... Человеку, не жившему в годы партийного всевластия, представить сложно, какими неприятностями грозили человеку - да еще на военной службе! - все эти выговоры, переводы.

- Из стеснения вышли, - продолжает

Игорь Валерьевич, - и теперь открыто ходим в храм без всякой боязни. Только надо - без показухи. Входить в церковь нужно не так, как на гулянки. Хожу ли я сам? Ну да, по праздникам. Опять мы вернулись к тому, чем сильна Россия. Без стержня духовного она - никуда.

Четвертая колония - та самая, где проходят дистанционное обучение по основам православной веры

Есть в ИК-4 и еще один звучный проект.

Неподалёку от колонии, возле деревни Слобода, Сухона делает крутой изгиб, и с высокого угора дивный вид открывается, особенно летом. Красивые эти места издавна называют Рабангой. Много лет здесь

Рядом с храмом преподобного Филиппа Рабангского на глазах вырастает колокольня

стоял Преображенский храм. Построен он был как собор небольшого монастырька, основанного преподобным Филиппом Рабангским - вологодским святым XV века. Монастырь со временем упразднили, храм остался приходским. Вся округа собиралась Богу помолиться, детишек крестить, новобрачных обвенчать, стариков отпеть. Помнил храм и великого русского святого Иоанна Кронштадтского: Всероссийский батюшка, как ласково звал его верующий народ, заглянул в древний храм на крутом берегу, проплывая по Сухоне на родину - в Архангельскую область. Сухона-то не изменилась с тех пор особо, разве что помелела несколько. А вот храм снесли, поставили клуб. И редкой красоты пейзаж сразу поблек, словно душу потерял.

Память о древней обители не утратилась в народе. Со временем пришло понимание, что мало хранить память о церкви - надо к ней возвращаться.

Так уж получилось, что собирать материалы о стоявшем здесь монастыре года четыре назад начал школьник Сергей Ванчиков, он учится в Сокольской областной кадетской школе-интернате. Родилась идея поставить Поклонный крест в память об обители и похороненных на здешнем кладбище односельчанах, народ поддержал - особенно загорелся идеей возрождения памяти о святом месте Евгений Осколков, он тогда работал механиком в ИК-4, а сейчас вышел на пенсию, трудится старостой деревни. В сборе денег участвовали и сотрудники Сокольской колонии, ведь многие из них - местные жители, Рабангу прекрасно знают.

Поклонный крест поставили в 2013 году. Рядом - два камня с фамилиями слобожан, которые участвовали в Великой Отечественной войне: на одном - павших в боях, на другом - вернувшихся домой, но сейчас из них тоже никого в живых не осталось. Память вроде увековечили, но - как-то пустовато.... И тут сама собой пришла мысль о часовне - место-то святое, так надо создать условия, чтобы помолиться можно было, помянуть усопших монахов и священников.

Евгений Борисович Осколков

Денег, конечно, потребовалось значительно больше, чем на Поклонный крест. Средства на строительство собирали всем миром. Солидную сумму внесли живущие в Москве родственники последнего настоятеля Преображенского храма протоиерея Александра Соколова. Отца Александра расстреляли в 1937 году. Говорят, когда взрывали храм, батюшка молился о спасении душ тех людей, которые уничтожали церковь...

В строительство храма вложили свой труд и сотрудники, и осужденные ИК-4. Администрация колонии выделила пиломатериалы, а осуждённые приложили руки. Участие было только добровольным, кто хотел помочь - помогал, кто не желал - остался в стороне. Желаящим потрудиться было больше. Умельцев в колонии много, все работы по дереву - их рук дело: окна, мебель, резные наличники, декоративные столбы... Резные фигуры ангелов у входа в храм - тоже их рук дело.

Олег родом из этих мест, он был очень рад что-то хорошее сделать для земляков. Не так давно парень освободился, заходил в храм несколько раз, спрашивал, чем помочь. «И сделал немало, спасибо ему!» - говорит Евгений Борисович.

Мать Олега живет в Слободе, ходит на службы - как приятно ей видеть в храме работу сына.

- Мы уже часовню-то построили, - рассказывает Евгений Осколков, - а митрополит Игнатий благословил поставить храм. К уже готовой часовне прирубили алтарь, освятили в память преподобного Филиппа Рабангского, и теперь здесь еженедельно идёт служба. Народу приходит человек 30, я считаю, для деревни это неплохо, со всей округи собираются. Люди помогают, мы ведь всё сами делаем...

Храм построен, идут работы на колокольне. Её возводят на том месте, где находился Преображенский храм. Значит, где-то рядом и мощи преподобного Филиппа.

Начальник ИК-4 Игорь Валерьевич Сокерин

Мастера в ИК-4 работают умелые. С весны они трудятся над резным иконостасом для храма в Слободе

Игорь Сокерин - член попечительского совета Филиппо-Рабангского храма. Вместе с ним помогают возрождению святого места сокольские и вологодские предприниматели, местные власти. Примерно раз в месяц они собираются у храма - смотрят, что сделано, обсуждают, чем помочь. В планах - найти средства на благоустройство территории.

Зачем это начальнику колонии? Забот, что ли, других нет? Есть, конечно, и немало. Но нельзя же тревожиться только о телесном.

Колония - это маленькое государство в государстве, начальник обладает властью почти неограниченной. Страшно представить, куда можно направить такое могущество, если в самом деле возомнить себя безупречным, всесильным... Если вдруг забыть, что любой руководитель обладает не только властью, но и ответственностью. Если перестать видеть,

Кто на самом деле создал весь наш мир и Кому принадлежит в нём власть, абсолютная и всеобъемлющая.

Вера помогает не забывать эту реальность.

Игорь Валерьевич шел к ней довольно долго. Он и сейчас в пути - дай Бог сил и крепости, твердой воли и доброго разума!

Храм в колонии, мне кажется, не менее необходим, чем колючая проволока на заборе. С этим согласуется мысль полковника Сокерина.

- Храм для осуждённых - кусочек воли, - говорит начальник ИК-4. - Чтобы человеку не стремиться за забор, а прийти сюда. В бане очищаем тело, а тут душу, она чистки требует не меньше - там, наверное, почернее, чем снаружи.

Почему же, выйдя из колонии, люди часто не на волю устремляются - то есть в храм, к Богу, Который только и есть истинная и полная свобода - а в клетку страстей? И опять оказываются за решеткой.

Вот так и кружит буря, бросает из огня да в полымя.

Думается, это происходит, если понимать веру не как основу жизни, а как средство психотерапии, духовные при-

мочки. Ну, или как один из методов работы администрации.

Веру нельзя использовать - ни с той стороны, ни с этой, ни осужденными, ни сотрудниками колонии. Верой можно только жить.

И познать ее, как говорят святые Отцы, можно только жизнью. Будешь жить по заповедям - будешь их понимать, другого не дано.

Тот, кто будет стараться жить по заповедям, наверно, сможет и ответить на вопрос, который мы обсуждали с разными людьми на протяжении всего нашего разговора о тюрьме и вере: какая вера настоящая?

Вера - это не состояние, а путь. Это процесс приближения к Богу, и по мере движения человек неминуемо меняется. Не так уж важно, из каких первоначальных побуждений пришел человек в храм, - посылку получить, в тепле посидеть, чаю, наконец, попить с добрыми людьми, еще зачем-то... Мне кажется, что, побыв какое-то время в храме, каждый неминуемо что-то почувствует в душе, как бы зачернена она ни была. Пусть это будет лучик, искорка, и задержится она в душе или сразу потухнет - у кого как. Но её не может не быть. А если чаще ходить, то и приоритеты, как сейчас модно говорить, могут запросто поменяться. И вся выгода, когда-то мнившаяся значительной, покажется - тьфу! - пустой чепухой на фоне добра и любви.

Не зря же говорят мудрые люди: детей важно приучать к храму с детства. Настанет страшный подростковый период, они разбегутся, кто куда, - но всегда будут помнить, куда прийти в случае чего. И дорогу домой им найти легче, чем тому, кто о доме и не слышал никогда, а всю жизнь провел на чужбине, во тьме и сени смертной.

Андрей САЛЬНИКОВ
Фото Алексея КОЛОСОВА

Редакция благодарит за содействие и помощь в подготовке материала сотрудников пресс-службы УФСИН по Вологодской области.